

Устойчивый и в то же время трансформирующийся, этот театр использует традиционные, классические формы и одновременно испытывает влияние новых видов искусства, интенсивно осваивает язык и приемы, характерные для современной литературы и кинодраматургии.

*Л. А. Шкор,
кандидат искусствоведения,
доцент кафедры белорусской
и мировой художественной культуры*

СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА СОВРЕМЕННЫХ БЕЛОРУССКИХ ЖЕНЩИН-КОМПОЗИТОРОВ

Сочинения белорусских женщин-композиторов – Г. Гореловой, Л. Шлег, Л. Мурашко стали заметным явлением в белорусской музыкальной культуре.

Можно смело утверждать, что их творчество обозначило новую ступень развития белорусского искусства. Образный мир, нашедший свое воплощение в их произведениях (в области инструментальной и вокальной музыки), некоторое время полностью соответствовал социокультурному контексту белорусского искусства 1970–1990 гг., что объясняется доминированием советской идеологии.

Заметное обновление тематики произведений связано с переломными для белорусского искусства девяностыми годами XX в. Так, например, многие произведения Г. Гореловой получили интересные программные названия, среди которых выделяются «Тысяча лет надежды» (кантата в 6 частях, 1990 г.), «К взлетающей птице» (соната для фортепиано, 1995 г.), «Портрет жены художника» (сюита, 1995 г.), «Пейзажи» (сюита, 1997 г.), «Рисунки на греческой вазе» (сюита, 1998 г.). Отметим, что вышеперечисленные названия как бы «позаимствованы» из изобразительного искусства, что указывает на творческое переосмысление Гореловой идеи синтеза искусств. Эта идея было широко апробирована в творчестве многих видных европейских музыкантов (Ф. Листа, М. Мусоргского и др.), но в творчестве белорусских авторов новое творческое осмысление взаимодействия музыки и живописи пришлось именно на на-

чало XXI в. (например, «Пейзажи» и «Картинки природы» Т. Тхарёвой).

В творчестве Л. Шлег проявляются и религиозные образы, которые также раскрываются через программность и синтез искусств. В качестве примера можно вспомнить такие сочинения, как «Оркестровая фреска по иконе Андрея Рублева «Троица» в честь Сергия Радонежского (1993). Эта масштабное сочинение поражает ясной зримостью образов, глубиной музыкального языка, масштабностью звучания. Однако в оркестровой фреске нашли свое воплощение не только конкретные образные представления автора, но и широкий историко-культурный контекст, отражающий мироощущение современного композитора, создающего концертные произведения на духовную тематику.

Обращаясь к творчеству Л. Мурашко, обратим внимание на проникновенный лиризм, свойственный многим ее сочинениям. Светлыми оптимистическими настроениями пронизаны многие ее произведения, и в частности – сюита для фортепиано «Цветные сны» (1989). Настроения, воплощенные в этом сочинении, как бы перекликаются в своей «лирической оптимистичности» с сочинениями молодых авторов, таких как А. Даньшова (пьеса для двух гитар и флейты «Серебряные сферы», пьеса для валторны и фортепиано «Забавный марш», 2007 г.), А. Безенсон (поэма для детского хора, солистов, флейты, гобоя и фортепиано «Алые паруса», 2007 г.), Е. Атрашкевич (пьеса для четырех флейт «Часы на камине», 2009 г.), Н. Голубева (российский композитор, окончила БГАМ по классу профессора Д. Смольского; пьеса для гобоя, кларнета, виолончели и ансамбля ударных «Кристалл в свете луча», 1992 г.).

Еще большая свобода выбора художественных образов и, конечно, многообразие программных названий проявилось в сочинениях белорусских женщин-композиторов в последние годы. Мягкий юмор сквозит в таких названиях современных музыкальных сочинений для детей, как «Дразнилки» М. Морозовой, «Вариации для трех хулиганов на двух роялях и ксилофоне» Г. Гореловой. Столь свободное развернутое название произведения, предложенное Гореловой, свидетельствует о том, что современные авторы стремятся подчеркнуть уникальность и своеобразие каждого своего сочинения. А необходи-

мость следовать общепринятым и общепонятным концепциям перестала «вносить исправления» в творческие процессы.

Обращаясь к стихам признанных национальных поэтов, женщины-композиторы привносят «постмодернистский шарм» в названия своих произведений. Так, например, Л. Симакович в сочинении «S-muzika» обратилась к наследию Якуба Коласа. По мотивам его известной поэмы «Сымон-музыка» белорусская женщина-композитор создала пьесу для ансамбля, состоящего из сопрано, аутентичных голосов, трубы и ударных. В этом сочинении по-новому преломились фольклорные мотивы, а также проявились философские размышления автора о национальной культуре, самобытности национального искусства, раскрытые посредством музыкального языка.

Произведения Г. Гореловой также являются пример всеобъемности интересов современной творческой женщины. В ее сочинениях проявился неожиданный интерес к китайской культуре и искусству. С одной стороны, включение китайской тематики в творческий поиск белорусской женщины-композитора отражает глобализационные процессы, охватившие многие сферы общественно-политической жизни современного социума. С другой стороны, соприкосновение с ценностями иных культур, понимание их своеобразия и красоты указывают на многогранные интересы творческой личности. Именно этим, скорее всего, объясняется интерес Гореловой к самобытной древнекитайской культуре и к поэзии Ли Бо (синологи называют его «древнекитайским Шекспиром»). Цикл пьес для гитары и ударных инструментов получил название «Семь элегий Ли Бо» (2007).

Г. Горелова стремилась воссоздать в звучании гитары тембральный колорит древнекитайского щипкового инструмента – гуциня. Зная о том, что на протяжении тысячелетий древнекитайская музыка была одноголосной, автор цикла строго выдерживает одноголосное звучание гитары, оттеняя его «вкраплениями» ударных. Цикл «Семь элегий Ли Бо» не является единственным обращением Гореловой к древнекитайской тематике. Фантазия для флейты-соло «Она в безлюдии Грушевого сада на флейте князя Нинского играла» раскрывает воображаемые женщиной-композитором сцены дворцовой жизни эпохи династии Мин (1368–1644), связанные с желанием императора Чжан У посредством музыки, поэзии и философии воспитать идеального наследника.

С фантазиями Г. Гореловой на темы дальних стран и иных культур перекликается творчество А. Короткиной. Известная белорусская женщина-композитор создала «Песни Басё» на стихи японского поэта М. Басё (XVII) для актёра, фортепиано и ударных (2004). Этот музыкальный перформанс, а также цикл «Чайные листья» на японские темы для камерно-инструментального ансамбля также свидетельствуют об активном обновлении музыкального языка и средств художественной выразительности в творчестве современных женщин-композиторов.

Как писала в XX в. французская женщина-философ Симона де Бовуар, мечта женщины о путешествиях в дальние страны превращалась в соз(и)дание собственного маленького мира, путешествия заменяли книги, а представления о красоте восточной или южной природы – экзотический цветок, выращенный в домашней оранжерее [1]. Реалии творческой самореализации белорусских женщин-композиторов более оптимистичны, и в настоящее время их сочинения получают заслуженное признание у современного слушателя.

Многоаспектность и многонаправленность творчества женщин-композиторов, его постоянно расширяющаяся социокультурная значимость определяет актуальность и необходимость проведения дальнейших научных исследований в области современного искусства в целом, и в области композиторского творчества в частности.

1. Бовуар, Симона де. Второй пол / С. де Бовуар. – СПб. : Алетей, 1997. – 831 с.

2. Шкор, Л. А. Тенденции взаимодействия видов искусства в белорусской музыкальной культуре рубежа XXI в. / Л. А. Шкор // Культурно-художественное пространство: творчество и технологии: сб. материалов 6 междунар. научн.-творч. конф. (8–9 ноября 2012 г.). – Киев : НАККиМ, 2012. – С. 98–99.